

УДК 81'42(075)
ББК 81.2Рус – 5
Р 46

Р 46 Речеведение: современное состояние и перспективы:
материалы Междунар. науч. конф., посвященной юбилею
М.Н. Кожиной (Пермь, 16–20 ноября 2010 г.) / отв. ред.
Е.А. Баженова; Перм. гос. ун-т. – Пермь, 2010. – 538 с.

ISBN 978-5-7944-1513-1

Издание посвящено юбилею доктора филологических наук, профессора Маргариты Николаевны Кожиной – известного ученого, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, заслуженного профессора Пермского государственного университета, почетного профессора Опольского университета (Польша), основоположника научной школы функциональной стилистики. Представлены работы ее учеников, единомышленников и последователей, охватывающие широкий круг проблем речеведения.

Адресовано преподавателям, аспирантам, студентам-филологам, а также всем, кто интересуется вопросами функционирования языка в современном обществе.

УДК 81'42(075)
ББК 81.2Рус – 5

Печатается по решению редакционной коллегии конференции

Редакционная коллегия: д-р филол. наук Е.А. Баженова, д-р филол. наук Н.В. Данилевская, д-р филол. наук М.П. Котурова, к. филол. наук Т.Б. Карпова, к. филол. наук Н.В. Соловьева.

ISBN 978-5-7944-1513-1

© Пермский государственный
университет, 2010

МАРГАРИТА НИКОЛАЕВНА КОЖИНА
(род. 1 августа 1925 г.)

*Доктор филологических наук,
Заслуженный деятель науки Российской Федерации
Заслуженный профессор Пермского университета,
Почетный профессор Опольского университета (Польша),
создатель научной школы функциональной стилистики,
профессор кафедры русского языка и стилистики
Пермского государственного университета*

Студентам-филологам, получающим специализацию «Риторика» в СФУ, читается курс семейной риторики. Он направлен на осознание студентами того, что семья – это «духовно-словесное единение», поэтому ее благополучие зависит от выражения в речи и слове таких категорий, как любовь, добро, терпение, выдержка, сострадание, долг, жертвенность. В основе курса не только научные данные, представленные в немногочисленных диссертационных исследованиях, но и постулаты Священного Писания, сочинения христианских подвижников, позволяющие рассматривать слово как выражение духовной природы человека, и конкретные правила семейного речевого общения. Студентами написаны курсовые работы, посвященные описанию стилистических особенностей сочинений Феофана Затворника, Иоанна Кронштадтского, выявлению факторов дисгармонизации семейного общения. Риторика семейного диалога вызывает интерес у студентов, а ее изучение позволяет продолжить разговор о русских духовно-нравственных ценностях и культуре слова.

Конечно, речеведческими дисциплинами являются не только русский язык и культура речи, риторика, стилистика, но и лингвистика текста, психолингвистика, лингвопрагматика и другие. О какой бы из этих дисциплин мы ни говорили, успех духовно-нравственного воспитания посредством изучения слова зависит в первую очередь от личности самого педагога, от его компетентности и вкуса.

ЛИТЕРАТУРА

- Беседа К.А. Роговой с учениками // Обретение смысла. Сб. статей, посвященный юбилею докт. филол. наук, проф. К.А. Роговой. – СПб.: Изд-во «ОСИ-ПОВ», 2006.
- Волков, А.А. Курс русской риторики / А.А. Волков. – М.: Изд-во храма св. муч. Татианы, 2001.
- Евменова, Л.И. Инженеру НАДО быть культурным / Л.И. Евменова // Университетская жизнь. – 2010. – № 11.
- Данилюк, А.Я. и др. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России / А.Я. Данилюк, А.М. Кондаков, В.А. Тишков. – М.: Просвещение, 2009.
- О гуманитарной составляющей современного российского инновационного университета (на примере Сибирского федерального университета): материалы к дискуссии / авт.-сост. А.П. Сковородников. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2010.

КОНТЕКСТ, ДИСКУРС И ПРОБЛЕМА ДВУСТОРОННЕГО ДИСКУРСИВНОГО АНАЛИЗА

В научных представлениях из области математической логики, литературоведения и языкознания контекст предстает как феномен квазитекстовый, порождаемый эффектом системности и целостности объекта. Явление контекста состоит в супераддитивности (НФС 1998).

В языкознании контекстом называют отрезок речевой цепи, составляющей левое и правое окружение входящей в эту цепь единицы. Контекст, ближайший к изучаемой единице, называют внутренним речевым контекстом. Другая языковедческая традиция выделяет широкое понятие внешнего, или вертикального, контекста. В «Стилистическом энциклопедическом словаре русского языка» говорится о «функционировании языка во внешней среде (контексте)» (СЭС 2006: 336). В словаре нет специальной статьи, посвященной «контексту», но есть сходство трактовки контекста с понятием «экстралингвистические факторы». Оно используется при толковании термина «дискурс» в (ЛЭС 1990: 137).

За термином «контекст» закрепился ряд интерпретирующих синонимов (или аналогов). К ним относятся: «окружение», «среда», «поле», «фон», «действительность». Но в целом трактовка контекста строится на идее Бюлера о наличии у человека – в его психологическом восприятии – понятий-ощущений *фигуры и фона*.

В дескриптивном языке науки термин отличается широкой атрибутивной сочетаемостью. И все же в научный обиход вошли устойчивые наименования *социальный, речевой, внешний и внутренний контексты, вертикальный и горизонтальный контексты; диагностический* (контекст речевого отрезка, позволяющего выделить противопоставленные члены грамматической оппозиции), *фонетический, грамматический, семантический* контексты; *поэтический* контекст и др. «Контекст структурирует все возможные аспекты, посредством чего задается определенность смысла языковых выражений» (Можейко 1998: 329).

Вклад этого старого операционального понятия в процедуру научного анализа значителен, что отмечается в трудах ученых и энциклопедических словарях.

В языкознании известен прогнозирующий эффект контекста. Он вытекает, в частности, из правила «семантического согласования», действующего при осмыслении высказывания: выбирается то из зна-

чений многозначного слова, в котором содержится наибольшее число семантических элементов, общих с представленным в контексте (Русский язык... 1979: 115).

Контекст позволяет разделить в единице наблюдения (в ее значении) независимые признаки и признаки, проявляющиеся в специфическом окружении. Значение «зависит от контекста, оно неатомично» (Макаров 1998), а дискурс, по мнению ученого, «является целой совокупностью функционально организованных контекстуализированных единиц употребления языка».

Высоко оценивается влияние поэтического (и риторического) контекста на входящий в него элемент: происходит акцентирование определенных семантических признаков в слове, присоединение факкультативных признаков, подавление элементов смысла, объединение смыслов с сохранением известной самостоятельности каждого из них, контрастное подчеркивание и т.п. (Русский язык... 1979: 114).

Объединение элементов какого-либо уровня или, напротив, выделение этих элементов в самостоятельные единицы основывается на их способности употребляться в одинаковых контекстах.

В литературоведении есть в некотором смысле технологическое понимание контекста. Под этим термином понимается рассмотрение единиц одного вида в соотнесении с соположенными во времени или пространстве единицами того же вида (см. издания ИМЛИ «Контекст 1974», «Контекст 1976»; Ревзина 1979: 115. Подчеркнуто нами. – Т.К.).

В работах по теории коммуникации (Почепцов 2001) можно встретить близкое к трактовкам контекста (вспомним работы Л.В.Щербы) понятие «упаковки». Оно вводится в случае модели У.Гемсона, но эта проблема, как отмечает автор, «является более широкой». «Коммуникация становится эффективной только в случае соответствующей упаковки НУЖНОГО сообщения. Именно в этой области и возникает PR как специализация по увеличению эффективности воздействия» (Там же: 539. Выделено автором).

Определенность, как свойство контекста, роднит его с понятием дискурс (эти понятия одно время были взаимозаменяемыми). Однако, в отличие от дискурса, контекст больше осознается как понятие статическое; контекст существует как определенный «фон» для моделирования структуры динамично меняющегося дискурса. Контексты тоже меняются, но, в отличие от дискурса, смена контекстов относится к методологии научного поиска, которая устанавливается субъектом познания. Контексты существуют «в голове» воспринимающего объекта, в то время как дискурс связывается с реальной коммуникацией, высту-

пает, по выражению Ю.Е.Прохорова, равнозначным «напарником» конкретного текста в «ландшафте реальности» (Прохоров 2004).

Эпистемическую роль контекста в научной работе подчеркивал Л.В.Щерба. Он имел в виду языковое чутье исследователя, которое состоит «не в возможности непосредственного усмотрения истины, а в умении создавать новые контексты, тонко понимая их смысл, в умении отличать возможные контексты от невозможных» (Русский язык... 1979: 114).

Связанные с контекстом понятия центра и периферии, «прототипический» подход к изучаемому объекту не являются в филологии чем-то принципиально новым. Целый ряд наук (литературоведение, лингвистическая прагматика, социолингвистика, функциональная грамматика, дискурсивный анализ) применяют их по существующей традиции. В лингвистике контекстный подход давно уже используется при установлении связей грамматики с лексикой и семантикой, связей употребления языка с социальным и культурным контекстом. Но именно *когнитивная лингвистика*, по мнению ее бельгийского представителя Д.Герарта, «реабилитировала» понятие контекста, и «именно она занимает наиболее радикальную позицию по этому вопросу (ВЯ 2009. № 6. С. 154).

Сделаем пояснение для дальнейшего изложения, объемы которого ограничены.

Нас интересует вопрос учета двух сторон реальной коммуникации – *внешней и внутренней* – благодаря моделированию соответствующих им контекстов. **Д в у с т о р о н н ы й** контекстный подход мы называем дискурс-ориентированным. Суть его в том, что привычное понятие «контекста» включается в категорию «дискурс» и мыслится в единстве с ним как структура, имеющая внешнее и внутреннее поле зависимости. Дискурс рассматривается нами в качестве интегративной категории в духе когнитивной лингвистики с ее доминирующими познавательными установками.

Внешняя, «экстравертивная» сторона коммуникации, т.е. ее дискурс, каким-то образом соотносится с определенной «конфигурацией» действительности (выражения принадлежат Ю.Е.Прохорову). Внутренняя, «интровертивная» сторона коммуникации связана с субъектом. Она сопровождается, согласно теории французских семиологов, «модализацией» высказываний, текстов, находящихся в структуре «дискурса страстей» (Греймас, Фонтаний 2007).

Несколько слов о семиологическом вкладе в теорию контекстуализации (которой у нас пока нет). В свое время Э.Бенвенист (1976)

сделал предметом рассмотрения двукратное означивание единиц – в системе языковых средств (первичное означивание, собственно семиологический принцип знакообразования) и в контексте речи (вторичное означивание, принцип семантической интерпретации речевых единиц). Здесь недалеко уже до трактовок социального дискурса как «языка в языке» (Серио, Степанов, Демьянков и др.), восходящих к идеям Пражской лингвистической школы («с русскими корнями»). Языковой знак стали понимать как социальную сущность, служащую посредником между членами одного коллектива и понимаемую только на базе всей системы значимостей, куда входят и ценностные.

В 20-е гг. была разработана теория знаковых ситуаций (*sign situation*), введены понятия внутреннего психологического и внешнего контекста (Ч.К.Огден и А.А.Ричардс). В отечественном языкознании компоненты «внесловесной ситуации» стали объектом пристального внимания ученых круга М.М.Бахтина (Волошинов 1995). В качестве таких внешних компонентов были отмечены *пространственный кругозор, общее знание и понимание положения дел, оценка этого положения*. Л.С.Выготский (2005), изучая условия порождения смысла, утвердил, что речь не служит выражением готовой мысли; мысль, превращаясь в речь, перестраивается и видоизменяется. Каждый раз надлежит учитывать зависимость акта речи от психологического состояния и обстановки общения, т.е. есть опять-таки от внутреннего и внешнего контекстов.

Большинство ученых, за некоторым исключением (см.: Прохоров 2004), сопрягают понятие «дискурс» с миром внешней действительности, с экстралингвистическими факторами коммуникации, а также – с отражением в речи субъект-объектной интерпретации мира вещей. С иных позиций рассматривают «дискурс» ученые, принимающие это понятие зависящим от внутренней динамики субъективности.

Кратко остановимся на двух известных работах французских семиологов. Теоретически противоположные в подходе к исследованию, они дополняют друг друга в перспективном, для заданного направления, целостном дискурсивном анализе. Судя по всему, имеет смысл двигаться при анализе дискурсивных объектов с двух сторон («виртуальной реальности»: 1) со стороны внесубъектного «исторического» дискурса и 2) со стороны внутрисубъектного дискурса «страстей».

Внешний (внесубъектный) дискурс (М.Фуко). В «Археологии знания» (Фуко 1996) автор утверждает приоритет поиска внешнего поля регулярностей: «Мы отказываемся рассматривать дискурс как феномен выражения, <...> скорее, мы пытаемся найти в нем поле регулярности различных позиций субъективности». «Дискурс – это *внеш-*

нее пространство, в котором размещается сеть различных мест». «Дискурс... понимается не как разворачивающаяся грандиозная манифестация субъекта, который мыслит, познает и говорит об этом, а как совокупность, в которой могут определяться рассеивания субъекта и, вместе с тем, его прерывности».

Впрочем, «извлечение» субъекта – это исследовательский прием. Фуко поясняет: «... я всего лишь отменяю любое внутреннее в этом беспредельном “вне”...». Говоря о своих оппонентах, он поясняет: «Им, конечно, трудно признать, что их история, экономика, их социальная практика, язык <...> мифология <...> – все это подчиняется правилам, которые не вполне даны их сознанию» (Там же: 206). Фуко ведет речь идет о «формациях стратегий» дискурсов в зависимости от их типов (экономического, медицинского, грамматического). Имеются в виду «строгие устойчивости, определенные темы или теории», которые автор условно называет стратегиями.

Условия, при которых появляется объект дискурса, – это исторические условия. Они, согласно М.Фуко, «не определяют внутреннюю конституцию объекта, а только то, что позволяет ему появляться из переплетений других объектов и располагаться относительно их <...> – все это полагает дискурс в поле внешнего». Фуко говорит об отношениях зависимости на первичном уровне – они формируют объект дискурса, и об отношениях зависимости на вторичном уровне – дискурсивном. Отсюда выводится пространство возможных описаний – 1) «в системе первичных, или *реальных, отношений*» и 2) «в системе вторичных, или *рефлексивных, отношений*», которые Фуко называет «собственно дискурсивными» (Там же: 45). Конечно, добавим мы, эти вторые отношения могут существовать только в речевом сознании и быть отношениями ответными.

Эти вторичные, ответные отношения ограничивают дискурс или, по Фуко, «навязывают ему определенные формы, принуждают в некоторых случаях выражать определенные вещи». Эти рефлексивные отношения не являются чем-то внешним по отношению к дискурсу. Находясь (как мы это себе представляем) в сознании субъекта, они предлагают ему объекты, о которых он мог бы говорить.

Хотя объекты формируются независимо от дискурса, «они определяют пучки связей, которым дискурс должен следовать, чтобы иметь возможность говорить о различных объектах, трактовать их имена, анализировать, классифицировать, объяснять и проч. Эти отношения характеризуют не язык, который использует дискурс, не обстоятельст-

ва, в которых он разворачивается, а самый дискурс, понятый как чистая практика» (Там же: 46).

Ученый считает: проблема больше не состоит в том, чтобы трактовать дискурсы как совокупности знаков, которые отсылают к содержанию или репрезентации. Она состоит в том, чтобы трактовать дискурс как практику [добавим – практику речевого сознания], которая систематически формирует объекты, о которых они (дискурсы) говорят.

Уместно обозначить одну из коренных проблем дискурсивного анализа, намеченную М.Фуко. Важно понять, как *конструируется дискурс в качестве предмета исследования из объекта, существующего независимо от исследователя.*

Внутренний семиотический дискурс (А.-Ж.Греймас и Ж.Фонтаний). В «Семиотике страстей» (Греймас, Фонтаний 2007) дискурс – это имманентные структуры, предназначенные для выражения условий и предпосылок манифестации смысла. Устанавливается зависимость дискурса от присущей субъекту динамики страстей. В центре внимания – восприятие и чувствование. Акцент на чувствование стал тем, что называется авторами «феноменом выражения»: *присутствие возникает «раньше» особенности; «чувствование объекта возникает в дискурсе раньше, нежели дискурсивный объект»* (Там же: 17. Здесь и далее выделено нами. – Т.К.).

Отмечаются подъемы и спады, характерные для дискурса страстей. Они понимаются как измерения, действующие по принципу плана выражения: либо наделяя сказанное акцентом, либо удаляя его. Постулируется важнейшая категория тенсивности (напряженности).

Согласно «Семиотике страстей», отношения между познающим субъектом (как оператором) и элементарными структурами (как представлением познаваемого мира) строятся в результате трансформации мира. «Действие субъекта» моделируется в эпистемическом сознании как «абстрактная операция». Требуется вообразить условия осуществления этого действия как некую *модальную компетенцию* нарративного субъекта, делающую возможной данное осуществление (трансформацию). Ставится вопрос о «способе существования» модальной компетенции, которая является источником всех операций и рассматривается как предварительное условие, как потенция действия.

Для нас важно, что компетенция существует прежде всего как состояние, в котором находится субъект. Состояние является формой его «бытия», формой актуализированной и предшествующей реализации (Там же: 20, 21).

«Семиотика страстей» внесла свой вклад в опыт конструирования социального дискурса как антропоцентрической целокупности. Теоретическое разделение мира внешнего и мира внутреннего должно преодолевать рассмотрением живой связи двух сторон. Речь идет «о мире как непрерывности», о взаимном превращении состояний и событий, их глубинном взаимодействии», о котором (как пишут авторы) Соссюр упоминает кратко в своих «Записях»: «Возможно, лишь в лингвистике существует разделение, без которого факты не поддаются пониманию ни на каком уровне <...>. Речь идет о разделении на состояние и событие, и можно задаться вопросом, позволяет ли это разделение, однажды принятое и понятое, рассматривать лингвистику как цельную дисциплину» [цит. по: Греймас, Фонтаний 2007: 16].

В заключение отметим следующее. Теоретические конструкции «контекст» и «дискурс» обнаруживают типологическое сходство. Их моделирование строится на традиционном для семиотики антропологическом аналоге двусторонности. В их условной структуре выделяется внешнее и внутреннее поле зависимостей. С перемещением из статуса синонимических, взаимозаменяемых понятий контекст и дискурс оказываются в статусе понятий неоднородных, но близких, и взаимосвязанных по принципу дополнительности.

ЛИТЕРАТУРА

- Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М., 1974.
Волошинов, В.Н. Философия и социология гуманитарных наук / В.Н. Волошинов. – СПб., 1995.
Выготский, Л.С. Мышление и речь / Л.С. Выготский. – М., 2005.
Греймас, А.-Ж., Фонтаний, Ж. Семиотика страстей / А.-Ж. Греймас, Ж. Фонтаний. – М., 2007.
ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990.
Макаров, М.Л. Интерпретативный анализ дискурса в малой группе / М.Л. Макаров. – Тверь, 1998.
Можейко, М.А. Контекст / М.А. Можейко // Новейший философский словарь. – М., 1998.
Почепцов, Г.Г. Теория коммуникации / Г.Г. Почепцов. – М., 2001.
Прохоров, Ю.Е. Действительность. Текст. Дискурс / Ю.Е. Прохоров. – М., 2004.
Ревзина, О.Г. Контекст / О.Г. Ревзина // Русский язык. Энциклопедия. – М., 1979.
Русский язык. Энциклопедия. – М., 1979.
СЭС – Стилистический энциклопедический словарь русского языка. – М., 2006.
Фуко, М. Археология знания / М. Фуко. – Киев, 1996.